

Бархатное одеяло, тусклый свет красной свечи, белое тело на постели, и тихое, но учащенное дыхание, - самая прекрасная картина. Иньчжэнь не мог удержаться, чтобы не приблизиться. Он раздвинул красную занавеску, человек на кровати медленно поднял голову, чтобы посмотреть на него, у него была пара глаз цвета персика, слегка приподнятых вверх, затуманенные зрачки и влажные губы. Это лицо, казалось, обладало самым неотразимым очарованием в мире. Он ничего не мог с собой поделать, он наклонился и поцеловал этого дорогого человека в губы, и обнаружил, что не в силах оторваться от него...

- Четвертый брат...

Тихий зов заставил его разум взорваться с треском. Когда он снова открыл глаза, вокруг была крошечная тьма, рядом с ним слышалось неглубокое дыхание, а теплая нога покоилась на его талии.

Ощущение холода и сырости где-то под его телом заставило его почувствовать себя немного неуютно. Иньчжэнь осторожно отодвинул ногу Инью и сел на кровати, взволнованный до глубины души.

Позаимствовав свет от дворцового фонаря снаружи, он повернул голову, чтобы посмотреть на фигуру, лежащую на кровати, потом встал и переоделся, но больше не смог заснуть и в оцепенении присел на краешек кровати.

- Четвертый брат, что с тобой такое? - Сонный человек на кровати сел, и с нотками невинности в голосе спросил, потирая глаза одной рукой: - Ты не собираешься спать?

- Ничего страшного, ты ложись, - на лице Иньчжэня была кривая улыбка, скрытая темнотой. Может быть, именно потому, что Инью спал рядом с ним сегодня ночью, ему приснился такой сумбурный сон. Как у него могли возникнуть такие мысли по отношению к маленькому седьмому, которому еще не исполнилось двенадцати лет, не говоря уже о том, что у него не могло быть такой соблазнительной стороны?

Это был просто странный сон, всё это было лишь в его голове, верно?

- На улице холодно, ложись скорее, - сказал Инью. Хотя ему было одиннадцать, у него уже было много сил, и он протянул руку, чтобы затащить Иньчжэня в кровать, подоткнул вокруг него одеяло и зевнул. - Четвертый брат, ты весь заледенел.

Тепло, исходившее от тела Инью, обволакивало его с ног до головы, и Иньчжэнь не мог не придвинуться ближе.

- Седьмой брат.

- М-м-м? - Его голос звучал невнятно.

Иньчжэнь обнял Инью за плечи: «Ничего, спи». Как он мог позволить окружающим его людям узнать о посещающих его мыслях?

Дыхание Инью постепенно становилось ровным, и Иньчжэнь понял, что он заснул. Он открыл глаза и в трансе уставился на москитную сетку, пока тот, кто был рядом с ним, не устроился в его объятиях и вновь не закинул ногу ему на живот.

Этот ребенок спал беспокойно и сильно боялся холода. Инью рассмеялся и наклонился к нему, заключив Инью в объятия. Что касается только что увиденного странного сна, он предпочел забыть о нем.

Поскольку им не нужно было идти в школу, Инью и Иньчжэнь не вставали до позднего утра. Позволяя слугам прислуживать ему, Инью посетовал, что в наше время он не осмеливался даже думать о таких вещах. Даже его современная жена не стала бы так ему прислуживать. Неожиданно, после того, как он переселился в это тело, он стал сыном императора в феодальном обществе, и люди прислуживали ему независимо от того, ел он, пил или мусорил. Его поведение было настолько порочным, что в современности от него отвернулся бы любой.

Иньчжэнь уже оделся, и пока служанка помогала ему умыться, он краем глаза посмотрел на Инью, испытывая смущение, которого даже сам не осознавал.

Умывшись, они приступили к завтраку. Вообще говоря, питание принцев было строго регламентировано, но все же существовали некоторые различия. Когда Инью сел за стол, он не удивился, обнаружив, что блюда четвертого брата были лучше, чем у него. Ненамного и не слишком заметно, но лучше. В конце концов, жизнь не была похожа на некоторые телевизионные драмы, показывающие нравы времен династии Цин. Было абсолютно невозможно, чтобы принц, не пользующийся благосклонностью императора, подвергнулся издевательствам со стороны раба, если только этот раб не чувствовал, что его голова слишком тяжела для его шеи.

Съев небольшую тарелку супа из свиной грудинки с морскими водорослями, кусок слоёного пирога и выпив полчаши молока, Инью отложил палочки для еды. Служанка и евнух, стоявшие рядом с ним, тут же бросились вперед, чтобы помочь ему вымыть руки и прополоскать рот, их отношение и вполнину не отличалось от того, когда они прислуживали четвертому брату.

Когда небо стало светлеть, два брата вышли из дома. Фу До уже ждал во внешнем зале.

Инью посмотрел на Иньчжэня, который шел слева от него. Он не знал, было ли это его воображением, но он чувствовал, что с четвертым братом что-то не так с тех пор, как тот встал этим утром. Казалось, что в нем чувствовалась неопределимая неловкость. Может быть, у императора династии Цин тоже был период бунтарства современных детей?

Восьмой брат издали увидел нескольких человек, идущих в его сторону, и когда он подошел ближе, на его лице появилась улыбка, и он шагнул вперед, чтобы поклониться: «Младший брат приветствует четвертого и седьмого братьев. Надеюсь, вы пребываете в здравии».

- Кхе, кхе.

Кто знал, что как только он закончит приветствие, Иньсы настигнет приступ сильного кашля. Его лицо покраснело на фоне кашля, и он сам сознательно сделал несколько шагов назад, боясь, что заразит двух своих братьев.

- Восьмой брат, когда болеешь, нужно больше отдыхать, - посоветовал Иньчжэнь с бесстрастным лицом, в то же время загораживая своим телом Инью от Иньсы.

- Кхм, - Иньсы был умным, как он мог не заметить движения Иньчжэня? Он прикрыл рот рукой.
- Четвертый брат, спасибо тебе за твою заботу.

Иню посмотрел на покрасневшее лицо восьмого брата и не смог удержаться, чтобы не спросить:

- Ты позвал императорского лекаря, чтобы он тебя осмотрел?

- Вчера императорский лекарь приходил и сказал, что это просто простуда, ничего серьезного.
- Когда Иньсы услышал его слова, улыбка на его лице стала более очевидной. - Я заставил седьмого брата беспокоиться.

Иньчжэнь слушал их разговор с холодным лицом. Он собирался направиться во дворец Юнхэ, но намеренно стоял в снегу между ними двумя, мешая братской беседе.

Стоящий позади Иньчжэня Иню дернул уголком рта. Он посмотрел в ту сторону, куда собирался пойти Иньсы и обнаружил, что там не живут ни наложницы, ни кто либо из старших братьев. Зачем он туда идет?

- Будь осторожен на дороге. - Иню мельком увидел руки Иньсы, выглядывающие из рукавов мантии, стиснул зубы и, наконец, снял кожаную перчатку с левой руки и протянул ее восьмому брату. - На улице холодно, не простудись.

Он и Иньчжэнь были старшими братьями для восьмого агэ. Увидев заболевшего младшего брата, он просто не мог оставить всё как есть.

Отношения между восьмым братом и Инчжэнем с другими старшими братьями были не очень хорошими, но внешне им все равно нужно было сохранять сердечность. В лучшем случае каждому из них, вероятно, было безразлично, болен ли другой. Просто эти мысли нельзя было демонстрировать лицом к лицу и, если вести о подобном происшествии достигнут ушей Канси, он боялся, что это доставит неприятности. Поэтому эту пьесу все еще нужно было сыграть. С таким же успехом он мог бы вести себя как старший брат.

Более того, он также испытывал некоторую симпатию к восьмому принцу из истории. Даже

если этот человек не был обделён талантами, он все равно не мог соответствовать личности и судьбе, с которыми родился.

«Пойдем», - Инчжэнь взглянул на кожаную перчатку в руке Иньсы, протянул руку, чтобы схватить Инью за запястье, едва заметно кивнул Иньсы и пошел в направлении дворца Юнхэ.

Иньсы стоял в снегу, наблюдая, как силуэты Инчжэня и Инью постепенно исчезают. Он опустил голову, потерев руки о теплую перчатку, и тихо прошептал: «Седьмой брат, похоже, твою проблему с мягким сердцем вылечить невозможно». Сказав это, он дважды кашлянул, но глаза его заблестели ярче, чем раньше.

Евнух, следовавший за ним, опустил голову и ничего не сказал.

«Господин, - младший евнух догнал его, держа в руках маленькую грелку, - сестра Цуйюй только что сказала, что вы не взяли грелку для рук, поэтому она попросила этого слугу принести ее вам».

«Не нужно, - Иньсы взглянул на грелку для рук в руке маленького евнуха и медленно надел кожаную перчатку на свою руку. - Ты можешь возвращаться». Подавив кашель, он продолжил идти в направлении Западного дворца [1].

[1] 西宮 (xīgōng) Западный дворец - это место, где жили наложницы императора в феодальную эпоху Китая. Западный дворец во времена династии Тан был резиденцией верховного императора.

Выйдя из холодного двора, шаги Иньсы постепенно замедлились. С детства у него была хорошая память. Он даже вспомнил, как впервые увидел матушку, когда ему было три года. Матушка выглядела больной и изможденной. Он прятался за декоративной горкой из камней и втихомолку мучился, не зная, что такое поведение вызовет неудовольствие наложницы Хуэй.

Именно седьмой брат, которого все во дворце всегда считали посредственностью, обратил на него внимание и помог ему. Он был первым человеком, который когда-либо помогал ему.

Он знал, что седьмой брат не особо хотел с ним связываться. На самом деле, следует сказать, что седьмой брат не хотел сблизиться ни с одним из старших братьев, но он сделал исключение для четвертого брата. Когда-то он думал, что это из-за положения четвертого брата, но теперь он понимал, что седьмой брат был действительно близок с четвертым братом, и это не имело никакого отношения к статусу.

От такого принца, как он, седьмому брату следовало бы держаться подальше, но каждый раз, когда он упражнялся в верховой езде и стрельбе и видел, что он один, он всегда притворялся, что ему все равно, но вставал недалеко от него, делая то же самое, что и он. Даже летом он сопровождал его, чтобы попрактиковаться в стрельбе из лука, возможно, для того, чтобы его мальчишеское «я» не чувствовало себя изолированным.

Очевидно, Инью был человеком, который не хотел навлекать на себя неприятности, но, видя, что он делает что-то не так, его сердце всегда обливалось кровью, и он не мог удержаться, чтобы не напомнить ему кое-что. К счастью, он был умен и очень хорошо выбирал время. Его случайные увещания не причиняли ему никаких неприятностей.

Теплая перчатка заставила губы Иньсы растянуться в улыбке, и он вышел во двор.

Покинув дворец Юнхэ, Инью и Иньчжэнь направились к тому месту, где они только что встретили восьмого брата, и он не смог удержаться, чтобы не повернуть голову и не посмотреть в ту сторону, куда тот направлялся.

«Там живет Лян гуйжэнь [2] - словно угадав, о чем подумал Инью, Инчжэнь безразлично добавил: - Она настоящая мать восьмого брата».

[2] она кратко упоминается на странице Канси: супруга Лян из клана Вэй (1662 - 29 декабря 1711). Юньсы, принц Лянь первого ранга (29 марта 1681 - 5 октября 1726), 16-й (восьмой) сын.

Инью кивнул и больше ничего не спрашивал. Его левая рука была спрятана в рукаве, а правая лежала в ладони Иньчжэня, и он не чувствовал холода.

Ах, однако взрослому мужчине и мальчику неловко шагать, держать за ручки. Инью взглянул на свою правую руку, которую держал Иньчжэнь, а затем молча отвел взгляд.

Пройдя некоторое время, Иньчжэнь небрежно сказал: «Кажется, ты очень нравишься восьмому брату».

Инью посмотрел на Иньчжэня с недоверием: «Правда?»

Иньчжэнь с серьезным видом посмотрел на выражение лица Инью и медленно отвел взгляд: «Ну, он, кажется, очень добр ко всем».

Даже если восьмой брат очень мягко улыбнулся, когда маленький седьмой повернулся к нему лицом, он не хотел, чтобы маленький седьмой знал.

Что касается причины, он и сам ее не понимал. Может быть... это было потому, что у него самого были разногласия с восьмым братом?

Заметка от переводчика с китайского:

Ребята, я просто хотела рассказать вам, почему Инью так сильно симпатизирует Иньсы. Смотрите сюда:

Иньсы, принц Лянь (29 марта 1681 – 5 октября 1726) родился в семье императора Канси и императорской супруги Лян из клана Вэй. Будучи восьмым сыном императора Канси, он был восьмым принцем. После вступления императора Юнчжэна на императорский престол в 1722 году Иньсы был назначен одним из четырех его главных советников и получил титул «принц Лянь». Однако, будучи серьезным претендентом на трон наследного принца в эпоху Канси, Иньсы вскоре стал предметом недоверия для недавно коронованного императора. В 1726 году он подвергся унижению, будучи изгнанным из императорского двора после серии несправедливых обвинений в некомпетентности, выдвинутых самим императором. В том же году ему было приказано переименовать себя в Акина («свинья»), когда он впал в немилость. Иньсы умер от болезни в заключении после того, как был признан виновным по 40 пунктам, которые якобы ставили под угрозу правление династии Цин.

<http://bllate.org/book/15126/1336930>